

КІЕВСКАЯ ИСКУСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРА- МАТИЧЕСКАЯ.

(Продолженіе *).

III.

Послѣ Θεοφана Прокоповича прежній священный мистериальный характеръ кievской драмы продолжалъ еще свое существованіе; но рядомъ съ нимъ все болѣе и болѣе выдвигается національный русскій элементъ, выражающійся или въ историческомъ и бытовомъ содержаніи, или въ приспособленіи къ простонародному духу и тону: первое сказывается въ самыхъ драматическихъ произведеніяхъ, второе—въ интерлюдіяхъ или въ интермедіяхъ къ нимъ. Обычною формою драмы все болѣе и болѣе становится трагедо-комедія, хотя получившая свое начало въ классическомъ мірѣ, но вошедшая въ Кіевъ въ моду по подражанію Θεοφану Прокоповичу. Этотъ смѣшанный періодъ кievской драмы продолжался до царствованія императрицы Елисаветы Петровны, или—точнѣе—до 1742 года, съ котораго стали являться пьесы съ оттѣнкомъ новаго направленія. Изъ этого періода доселѣ извѣстны слѣдующія южно-русскія драматическія произведенія: „Патріархъ Іосифъ“, Лаврентія Горки, 1708 года; „Милость Божія“, 1728 года; трагедо-комедія Сильвестра Ласкоронскаго, 1729 года; мис-

* См. Труды Кіев. дух. Академіи, июль 1879 г.

геріи и комедіи Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 г., илюстрація ближайшее отношеніе къ южнорусскому перепуту; „Брань честныхъ добродѣтелей“, Іосафа Горленка, 1737 года, и „Образъ страстей міра сего“, около 1739 года.

О первой изъ этихъ пьесъ, излагающей библейскую исторію о прекрасномъ Іосифѣ, мы не можемъ сказать ничего новаго послѣ того, что сказано о ней нами въ 1866 году. Мы разумѣемъ трагедокомедію Лаврентія Горки „Патріархъ Іосифъ“. Въ ней предполагались двѣ интермедіи послѣ третьяго и четвертаго дѣйствій, которыя, безъ сомнѣнія, были бы самымъ интереснымъ предметомъ въ пьесѣ; но онѣ не дошли до насъ. Осталась собственно трагедокомедія, сухая и строгая, которая, будучи взята сама по себѣ, не можетъ свидѣтельствовать о постепенномъ развитіи драмы въ національномъ направленіи. Она замѣчательна развѣ въ томъ отношеніи, что сравнительно больше другихъ имѣетъ замѣтокъ для актеровъ, посигъ, по подражанію пьесѣ Ѳ. Прокоповича, названіе трагедокомедіи и раздѣляется на пять дѣйствій.

Однимъ изъ лучшихъ драматическихъ произведеній этого времени была пьеса, подъ заглавіемъ „Милость Божія, Украину отъ неудобъ посимыхъ обидъ людскихъ чрезъ Богдана Зынонія Хмѣльницкаго преславнаго войска Запорожскихъ гетмана свободившая и дарованными ему надѣлами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толикихъ его щедротъ память репрезентованная въ училищахъ киевскихъ въ 1728 году“. Высокія достоинства этой драмы и помѣщеніе ея въ сборникѣ вмѣстѣ съ сочиненіями, Ѳ. Прокоповича побудили покойнаго М. А. Максимовича приписать ее этому знаменитому архимандриту того времени. Но мы видимъ въ ней только подражаніе Ѳ. Прокоповичу, заключающееся и въ выборѣ предмета изъ отечественной исторіи, и въ формѣ пяти-актной трагедокомедіи, а самое составленіе ея приписываемъ Ѳеофану Трофимовичу, бывшему въ 1728 году учителемъ пѣнтіки въ киевской ака-

деміи¹⁾. Онъ имѣлъ и средства, и достаточный поводъ къ тому, чтобы написать трагедіокомедію, достойную пера соименнаго ему Феодана Прокоповича. Въ 1720 году составлена была одна изъ лучшихъ малорусскихъ лѣтописей, лѣтопись Самуила Величкя, дававшая богатый матеріалъ для изображенія эпохи Богдана Хмельницкаго, а въ 1728 году Императоръ Петръ II, вступивъ на всероссійскій престолъ, уничтожилъ учрежденную Петромъ I-мъ малороссійскую коллегію, снова позволилъ избирать гетмановъ вольными голосами, повелѣлъ составить списокъ правъ Магдебургскихъ и Статута лиговскаго, коими прежде руководилась Малороссія, и такимъ образомъ какъ будто хотѣлъ возвратитъ Малороссію къ прежнимъ временамъ, ко временамъ Богдана Хмельницкаго. Совпаденіе этихъ обстоятельствъ подогрѣвало надежды малорусскихъ патриотовъ и вызвало на свѣтъ разсматриваемую нами пьесу, въ которой авторъ превозноситъ похвалами Петра II-го и новоизбраннаго гетмана Данила Апостола, и съ благоговѣніемъ воспоминаетъ Богдана Хмельницкаго, какъ идеальную личность въ козацкой исторіи. При этомъ онъ пользуется готовыми историческими матеріалами и особенно лѣтописью Самуила Величкя, но раскрашиваетъ ее цвѣтами собственной фантазіи.

„Молодость Іоакіи“ состоитъ изъ 5-ти дѣйствій съ эпилогомъ. Въ первомъ, третьемъ и пятомъ дѣйствіяхъ присоединяется еще „хоръ“. Въ началѣ пьесы „Богданъ Хмельницкій долгу козацкую оплакуетъ и новыя событія въ умѣ пріемаетъ“.

„Егей,—говоритъ онъ,—слова ваши упадутъ послѣдній!
Чего въ свѣтъ живучи дождавъ козакъ бѣдный!

¹⁾ См. о немъ въ Трудахъ Киев. дух. Академіи, ноябрь, 1866 года. Кроме упомянутыхъ здѣсь поданій, трагедіокомедіи писалъ также при Ц. цесѣ Историческую пьесу „малорусскаго народа“ я въ I томѣ собранія сочиненій М. А. Максимовича.

Доказовалися и мы подъ лихами;
Чого памь не дѣлають лихи и зъ жидами!
Чести и славу въ ничто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ.
Ся ли мы отъ тебе, лише, ожидали
Платы, егда вѣрности нашей показали
На земли и на морѣ знаменія многа,
Бодуща тя праговъ си сокрушая рога?
Се ли достойная мзда? Ся ли заплата
За службу нашу? Се ли змекъ нашъ и интрата
За неисчислимыя пріятые раны,
За смерти различныя на различной брани,
За толикіе и толь славныя побѣды
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узлы и прочая, безъ великой отрады?
О, и вспоминати то, воистину студно;
А якъ самимъ дѣломъ памъ терпѣни не трудно!
Что такъ бѣзумны ссмы, что такъ помраченни,
Что спимъ аки летаргомъ живимъ омраченни?
О, жадю мой неспокой! Большо ли чекати?
Крайней ли погибели еще выглядати
Будемъ? Не вѣдимъ что ся грядеть? Окажины,
Егда степан молчимъ, тако поругаиши
Суща. О, нечувствія нашего! Страдати
Кая нужда ести? Еще честь за честь воздади
Можемъ! Татары, Турки и Ибмцы бывали
Нестрашны; и Ляхи ли участи намъ стали!
Сверѣныя ляды, тшчире, вопря побѣждати
Удобъ было: отъ зайцовъ ли станемъ втекати?
Когда шабли при насъ есть, - не совсемъ прощата
Многоименитая оная похвала
Наша; доказовала чуждой славы много
Она: студажь своего не отмстить такого!
Не отобрали еще Ляхи намъ остатка:
Живъ Богъ, и не умерла козацкая матва!

Въ хорѣ перваго дѣйствія „Муза и Аполло грядущую лихою погибелъ предвозвѣщаютъ“. Здѣсь поэтъ воодушевляется до пророчесвеннаго наосса. По нашему мнѣнію, это—самое лучшее мѣсто изъ всей драмы. Муза и Аполло говорятъ:

Не видишь, Поляче,
Кто на тебе плаче,
Кого обиждаешь,
Кому досаждаешь?
Славу ти сотворшихъ
Побѣды породившихъ
Тицишея погубити,
Славу испразднити.
Гдѣ жъ услуга тая,
Егда вся блага
Свои оставляли,
Тебѣ воевали;
Крови не жалѣли,
Головъ не щадили,
Тебе заступая,
Тебе прославляя?
О, что жъ ожидаешь,
Кая месть чекаетъ,
Яко за благое
Воздаешь злое!

Коль лютое время,
Коль тяжкое бремя
Пошлетъ на тя вскорѣ
Судяи правду горѣ!
Се твоя предѣлы
Пройдутъ своѣ стрѣлы,
Солнце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури;
Шкуры тебѣ дерти,
Главы будутъ терти,
Шни вытягати,
Въ ярмо закладати,
По ябедахъ гонити,
По рѣвяхъ топити,
Зъ селеновъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати.
Прійдутъ на ти злая
Непремѣнно сая;
Богъ бо тебѣ судигъ,
Судь его не заблудить.

Дѣйствительно, судъ Божій не „зблудилъ“: Лихи побиѣждены; Украйна освобождена отъ нихъ.

При описаніи борьбы Богдана Хмельницкаго съ поляками и предшествовавшихъ ей обстоятельствъ, авторъ часто пользуется историческими сказаніями, а иногда сблизается съ мало-русскими историческими думами. Такъ напримѣръ, Богданъ Хмельницкій разсматриваемой пьесы, перечисляя передъ запорожцами заслуги ихъ для Польши и выставляя на видъ неблагодарность послѣдней, между прочимъ указываетъ на

подвиги козацкіе при разореніи Синопа. Трапезунта и окрестностей Цареграда:

Свѣдѣтель есть Трапезонтъ, на пепъ посѣщенный,
Свѣдѣтель есть и Синопъ, съ землею смѣшенный.
Извѣствуютъ и славные оныя подходы
Ажъ подъ Константинополь....

Этотъ набѣгъ на турецкія владѣнія дѣтописи Само-видца и Грабянки приписываютъ запорожскому гетману Богдану Розинскому, который въ 1575 году разорилъ Синопъ, Трапезунтъ и окрестности Цареграда¹⁾.

Далѣе, въ драмѣ говорится о дѣятельномъ участіи козаковъ въ войнѣ Хотинской, 1621 года:

. . . Что же и колику
Вѣрность свою свѣдѣли, уже и недавно
Того доказовали подъ Хотинемъ явно.
И сами лихи сіе, чаю, намъ признають,
Любъ и не токмо слава нашей зазвоняють,
Но и всегда худыми словами, елико
Возможно, умалиють умыслне толико
И Османовы войска когда напирали
Пайпаче на козаковъ, ясно показали,
Что лядекая вся при насъ была оборона,
Которую если бы избили, корона
Польская давно бѣ уже до чорта пропала,
И сама своего бы слѣду не познала.
А козаки первые когда мужественно
Выдерживали ингурсы, тогда дерзновенно
Великій во воинствѣ его учинили
Надежь, и самый ему обозъ разорили.
Тако о силѣ своей гордящеся зѣло,
Османа посрамили и мира всецѣло
Искати понудили“.

¹⁾ „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, Кіевъ, 1874 г., т. I, стр. 161.

Согласно съ этимъ описывается Хотинская война и въ лѣтописи Самуила Величка. По ея извѣстію, турки съ первыхъ дней направили особенно на козацкій обозъ, стоявшій на челѣ къ обозу султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки, послѣ жаркихъ пушечныхъ перестрѣлокъ, дали наконецъ сильный отпоръ и, гоняся за ними, ворвались было въ турецкій обозъ и только потому не овладѣли имъ вполне, что коронной гетманъ отказалъ въ подмогѣ. Война Хотинская длилась пять недѣль и кончилась тѣмъ, что грозный Османъ, не смотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ на условіяхъ, выгодныхъ для Польши ¹⁾.

Причины войны Хмельницкаго съ поляками представлены въ пьесѣ согласно съ свидѣтельствами малорусскихъ историческихъ думъ. Причиной войны, по представленію пьесы, были притѣсненія со стороны поляковъ.

. . . „Видите,—говорить пьеса,—какъ намъ за сія платили
И платять услуги; коль тяжко угнѣтали
Въдую Украину тыми очковыми,
Поемщицнами тыми, тако жъ рогоними.
Повымышляли къ тому уже и ставщицны,
А при вныхъ поборахъ и сухомельщицны.
Власное наше добро въ очахъ передъ нами
Арендуютъ, и въ своемъ не волины мы сами.
И уже по иремели ани дѣтей родныхъ,
Ни женъ власныхъ нашихъ намъ не будетъ свободныхъ.
Что жъ говорить о иныхъ бѣдахъ нашихъ большихъ?
Что о безчестіяхъ, о укорицахъ горшихъ?
Козака и за жиды не вѣжаты: мнѣйшій
Имъ жидъ, нежели русинъ, и весьма честнѣйшій;
Съ жидомъ они вѣдять, пьютъ, банкеты справляютъ,
А козакъ бѣднаго за нѣващо мають.

¹⁾ „Лѣтопись Самуила Величка“, Киевъ, 1848 г., т. I въ приложеніи—
„Дневникъ Матвея Галасенкаго о Хотинскомъ походѣ полковъ“. Сп. „Собраніе
сочиненій М. А. Маленковича“, т. I, стр. 329—370.

И что горше: которымъ поклонъ отдавали
Турки и татары, а многи не востали
Никогда же. егда разъ наклонили ши,
Пить, —срамно и казаль, —пить сами сип
Жидамъ кланяются в шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ, и проч.

Подобнымъ образомъ описываются польскія притѣсненія и въ народныхъ думахъ объ эпохѣ Хмельницкаго:

. . . „Стали жиди великий одкуп давати—
Стали один од одного на мило оранды становити...
Як иде український козак, то й корчму минає,
А жид вибігає, та українського козака за чуб хватає,
Та ще ёго двома кулаками по потилиці затинає.
—„Козаче—дєвєнчє! за що я буду ляхам рату платити,
Що ти мимо корчми йдєш,
Та й корчму минаєш?...“
Коло українського козака всю зброю одбирає...
А на Україні козак за жидом помагає,
Ще ёго й вельможним паном называє...
Ще ж і тим жидове не сконтентували,
Що три річки в одкуп закупляли...
Що мав би чоловік піти та риби піймати,—
То ще вінъ до річки не добігає.
Уже він жидові за одкупъ пайкрає обіцає...
Ще ж і тимъ жидове не сконтентували—
Де була яка річка велика; мости в одкуп забрали:
Од верхового по два шаги брали,
А од пішого по шагу,
А од бідного старця, що він випросить,
То одбирали пішого да яйця¹⁾).

Во второмъ явленіи третьяго дѣйствія кратко упоминаются выдающіеся подробности первой войны Хмельницкаго,

¹⁾ „Історическія пісні чорнорусского народа“. т II, стр. 25 - 26.

до битвы подъ Черестечкомъ и вызваннаго ею Бѣлоцерковскаго мира 1651 года, а именно: битва при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ 1648 года, плѣнь польскихъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго и отдача ихъ татарамъ, подвиги полководцевъ и предводителей козацкихъ загоновъ, и проч.

Но, освободивъ Украину отъ ляховъ, Богданъ Хмельницкій софруеть козакамъ, изъ опасенія потерять свою независимость и снова подчиниться Польшѣ, поддерживать свой воинственный козацкій духъ и болѣе дорожить оружіемъ и воинскими запятіями, чѣмъ мирною гражданскою и хозяйственною дѣятельностію. Онъ говоритъ козакамъ:

„А желѣзо доброе важге и надъ злато,
Злато бо потомнѣетъ безъ него, яко благо.
Что злато и что серебро ляхомъ пользовало?
Колікіе жь богатства желѣзо побрало?
Зъ сребныхъ полумызъ огцы наши не ѣдали,
Пзъ золотыхъ дугаровъ они не являли:
О желѣзі старались, желѣзо любили
И велику тѣмъ себѣ славу породили.
Оныхъ путемъ идите, оныхъ подражайте,
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Не той славецъ, который многа лѣчитъ стада,
Но иже многихъ враговъ своихъ шлетъ до ада,
Сему едицю токмо желѣзо довлѣетъ,
А злато или серебро ничто же успеетъ.
Что Богъ дастъ, тѣмъ довольни суще, нікоєи
Не обидите ничѣмъ братіи своєи:
Кто лѣсокъ добрый, или хуторецъ порядный,
Кто славъ, кто луку, кто садъ имѣетъ изрядный,
Полѣтъ, или заводитъ лѣсу не хотите,
Якъ бы его приглащати къ себѣ — не идите!
Пбо когда козакъ уже обнищаетъ,
То недолго остатки ваши потриваютъ.
Откуда коня, или ружьицы откуда
Плывый порядокъ возьмутъ, аще не оттуду?

А безъ тыхъ приборовъ, что мните, по васъ будетъ?
 Слава, безъ сомнѣнiя, ваша не прибудетъ.
 Напослѣдокъ глаголю: сами не купуйте;
 Дука, стрѣлки, мушкета и шаблѣ пылуите.
 Куплями бо обвязавъ житейскими воинъ,
 Имени сего весьма таковъ недостойнъ.
 И дѣтей своихъ, скоро отправлять науки,
 До себѣ же обучайте козацкой штуки.
 Тако твори, пражія потрето навѣты:
 Радость сію на многи удержите лѣты“.

По встрѣчающіеся здѣсь наставленія Богдана Хмельницкаго не захватываютъ чужихъ имѣній являются въ его устахъ преждевременными: они скорѣе относятся къ слѣдующимъ за нимъ поколѣніямъ и особенно имѣютъ въ виду современиныя автору пьесы украинскіе порядки или дѣйствіе, безпорядки. Гетманщина мало по малу становилась „корпораціей генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи, и погикали имъ въ самыхъ вопиющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые роздали своимъ пріятелямъ и распродаютъ перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ цозовщины и сотницамъ мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. А судопроизводство по литовскому, магдебургскому и саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, по предъисловія сего въ законахъ населенія Малороссіи“¹⁾). На захватъ козацкихъ земель старшиною козацкою въ началѣ

¹⁾ Журналъ „Основа“, май, 1861 г., прилѣжаніе къ „Лѣтописи козацкой“. См. записку Гр. Ник. Тютчева „о порядкахъ въ Малороссіи“ во II томѣ „Записокъ о Южной Руси“, Куриша, въ крѣпости на имя М. А. Макаренкова въ собраніи его сочиненій, т. I, стр. 345 и слѣд.

XVIII вѣка, по всей вѣроятности, намекалъ Ѳ. Прокоповичъ въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ“, когда выводилъ на сцену селянина, старающагося захватить у соседа Немѣна его пивііе: описаніе усадьбы Немѣновой здѣсь чисто въ малорусскомъ вкусѣ. На такой же захватъ намекаетъ и авторъ разсматриваемой пьесы, защищая общіе интересы козачества противъ его старшины.

Въ „заключеніи“ смотрѣніе Божіе предсказуетъ Украинѣ неизбѣжное ей блаженство подъ крѣпкою испобѣдимыхъ монарховъ російскихъ рукою и добрымъ рейментарскимъ правленіемъ. Украина съ радостію принимаетъ это извѣстіе, но ужасается при имени Петра Великаго:

Увы мнѣ океаниной, убо мя порушить!

Петръ Великій дѣйствительно былъ страшенъ для Малороссіи. „Отважное предпріятіе Мазепы, — говоритъ одинъ украинскій писатель, — открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу имперіи слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственною ему одному гениальностію, создать планъ постепеннаго разрушенія гетманщины“¹⁾. Но Петръ Великій выведенъ въ пьесѣ только для того, чтобы его тяжелому для Малороссіи царствованію противопоставить ожадаемый золотой вѣкъ царствованія Петра II и гетманства Давида Апостола. Смотровіе Божіе говоритъ Украинѣ

Стой, не бойся! за камень первый сокрушенный
Камень другой, не меньшій, будетъ положенный,
Петръ, глаголю, имей вторый такового,
Монарха Всероссійскій Бога всеблагаго
Милостію убивавъ, не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти.

¹⁾ „Основа“, май, 1861 года, прилѣчаніе въ „Дипломатъ пушкы“.

Тотъ еще малъ отрокъ сый, но не дѣтоумень,
Къ пользѣ державы своей вельми остроумень;
Совершеннаго мужа въ юности являя.
Великихъ по себѣ дѣлъ знали подавая,
Подасть ти Даніила, вождя изряднѣйша,
Не токмо благородствомъ надъ иныхъ краснѣйша,
Но и дѣлы храбрыми славнаго, который
Супостатомъ Хмельницкій твоимъ будетъ второй...
Но Богъ ты во воинскомъ искусствѣ и штуцѣ
Прославивый, прославить Той же и въ науцѣ.
И сіе Коллегіумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толику силу,
Что отъ него вѣтъ красноглазливый,
Богословы, сильнии и дѣломъ и словомъ
Проповѣдники, стадо пасущи Христово,
Пастыріе премудры, святы, преподобны,
Древнимъ онымъ церковнымъ свѣтиламъ подобны,
И ины изрядніи мужіе изыйдутъ,
Къ тому начатки сіи совершенство пріймутъ.
Тако ти, миръ мя будешь, или брань имѣти,
Надъ врагомъ твоимъ главу будешь возносить.

Совершенно одинаковую цѣль съ разсмотрѣнною пьесой „Милость Божиѣ“ имѣла „Трагедокомедія, издавшая въ Академіи Кіевской честнымъ іеромонахомъ Сильвестромъ Ляскоронскимъ, учителемъ школы поэтики, 1729 года“¹⁾, хотя далеко ниже первой по внутреннему достоинству. Трагедокомедія Ляскоронскаго тоже имѣла въ виду прославить Петра II и Верховный совѣтъ. Здѣсь, въ восьмомъ явленіи третьяго дѣйствія, фигурируетъ намекающій на тогдашніе отношенія Россіи къ Персіи „орелъ монархій“, который перунами побиваетъ льва, ангеломъ поющимъ:

¹⁾ Издава въ Труды Кіевской Дух. Академіи С. Т. Голубовича, за сентябрь, 1877 года, но довольно небрежно.

Далъ царемъ побѣду крѣпкій въ бранехъ Воже,
 Его же противится крѣпости шиктоже,
 Дажь Царю православному крѣпки супостати
 Побѣднѣ до конца, да не могутъ стати!
 Крѣпкой его десницѣ даждь сокрушити
 Вся брани подъ позѣ ему покорити,
 Подаждь силу на простѣ враждебнѣи брани;
 Отъ тебе же да будетъ щитъ и мечъ поданнѣи,
 Да сотрется днесь врагу высокая глава,
 Да будетъ же во вѣки окрестнѣи слава
 Православному Царю на многіе лѣта
 Страшна вѣснѣ супостатомъ во всехъ концехъ, свѣта!

Есть здѣсь и похвала Верховному совѣту, состоявшему изъ вельможъ и potentatovъ.

„Орфей играетъ на гусли, хоромъ поющимъ:
 Богомъ увѣщаннѣ дарскіе полати,
 Да будете во вѣки славю сіати!
 Буди ваша отселѣ всемірнѣи лѣта
 Торжествомъ исполненнѣи всемірнаго свѣта!
 Соплеги вѣнцѣ красенъ сіія побѣди,
 Крѣпкій Марсе російскѣи, заграждаи слѣди
 Непреступныхъ супостатъ, и всенѣи поверженнѣи
 Да будутъ! Воскликнемъ днесь вѣснѣи торжественнѣи:
 Торжествуйте весело російскіе трони,
 Восклицайте побѣди златіе корони!
 Возвисися рогъ силенъ князей с potentatъ,
 Да будутъ надъ врагами всегда обладати!
 Пурпуровиднѣи днесь плати одѣяни,
 Торжествуйте пресвѣтлѣи свитательскѣи сани!
 Буди вамъ честь и слава въ слонцѣ одѣяна,
 При мирномъ долгоденствѣ съ небеси поданна!“

По какому случаю составлена эта вѣса и при какой обстановкѣ она исполнялась, это отчасти можно видѣть изъ самаго содержанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій ея.

Во второмъ дѣйствіи, послѣ пятого явленія, выводится на сцену вельможа съ тремя ближними, и затѣмъ слѣдуютъ новыя четыре явленія, отъ 6 го по 9 е, почти безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Это отсутствіе связи и заставляетъ предполагать, иъ этой эпизодической сценѣ о вельможѣ и въ четырехъ слѣдующихъ за ней явленіяхъ вставочную сцену, которая, не имѣя органической связи съ трагедокомедіей, назначалась для воздаяніи почести высокопоставленнымъ слушателямъ и указывала вѣсть съ тѣмъ на торжественный день, въ который исполнена была трагедокомедія. Вельможа представляется сидящимъ за закускою со своими друзьями.

Вельможа. Все мнѣ благопріятно, все мнѣ благонадежно,

Дни мои вся и лѣта всегда безмятежна,
 Даде ми Богъ велимъ властителемъ бити,
 Но ничто же такъ благо мнѣ себѣ имѣти
 Надъ любовь и афектъ ближнихъ пожеланій,
 Его же зрю во тебѣ, друже здѣ собраній,
 Яко же во области ближнихъ моихъ живу
 Съ подлпмъ любве милости сердцемъ оглядаю.
 За тую же милость и за любовь вашу
 Испоклю вроздратіе всѣхъ насъ поляну чаю:
 Жійте щасливій вѣкъ, ако Сатурнъ новій!
 Восклицанъте сладку ибень сладчайшіе хори!

Ближній 1. За сиценія твоя ко намъ благодати

Дажде ти вишия десница въ сей жизни вѣкъ златій,
 Да умножить ти Господь во области славу!
 Зичливу мою днесъ склонивши ти главу,
 Благостины твоей болшъ не имамъ отвѣта:
 Да дастъ тебѣ въ сей славѣ Господь многа лѣта!
 (Хори поють многа лѣта).

Ближній 2. Равна тебѣ возможесть воздати никтоже,

Воздажде благости твоей небесный чертоже!
 Провождай въ долготу дній вѣкъ златъ и щасливый!

Сщовая, вельможе, тебѣ другъ зичливій
 Отъ всеусердія си моего желаю;
 Проздравіе же твое въ другу препиваю.
 (Хори поють многа лѣта).

Вмѣстѣ 3. Сладкіе хори еще воскликните,
 Зичливую пѣснь вельможѣ дадите,
 Да достигнетъ чрезъ сія многія лѣта, вѣчнаго свѣта!
 (Хори поють многа лѣта).

Кто былъ этотъ вельможа, архіепископъ ли кievскій Варлаамъ Ванатовичъ, или другой кто, объ этомъ не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Можно полагать только, что слѣдующіи за этой застольной спсеной четыре явленія, въ которыхъ выводится апостолы Петръ и Павелъ, вставлены въ трагедокомедію въ честь этихъ апостоловъ и указываютъ на праздникъ ихъ 29 іюня, какъ на время исполненія трагедокомедіи. Это былъ день тезоименитства Императора Петра II ¹⁾. Слѣдовательно, пьеса написана была на день тезоименитства Петра II и исполнялась въ Кіевѣ въ присутствіи какого-то вельможи.

Остальное содержаніе пьесы довольно блѣдно и безцвѣтно. По замыслу своему, она живо напоминаетъ собою свшщенныя мистеріи перваго періода кievской драмы XVII и начала XVIII в. и особенно „Мудрость Превѣчную“ 1703 года, съ которой мѣстами почти буквально сходна. Мы приводили выше изъ втораго дѣйствія этой послѣдней пьесы:

„Горькія слезы точити начнете,
 Звѣзды, планеты и солнечный свѣтъ!“

Подобнымъ образомъ рыдастъ изгнанное изъ рая естество въ первомъ дѣйствіи трагедокомедіи Лискоронскаго:

¹⁾ Матеріалы для отечественной исторіи, М. Судіенка, Кіевъ, 1853 года, т. I, стр. 76.

„Райскіе рѣки, лійте моя слези,
Идѣже ваша сопосходать стези!
Очи кровію смѣшонніе рѣки лійте во вѣки!“ и проч.

Общій планъ пьесы высказывается въ прологѣ, гдѣ говоритъ авторъ слѣдующее:

Перніе здѣ лияти тайну смертна плода
Восхотѣхъ, тако бысть паденіе рода
Адамля, что коснуся плодъ райскаго ясти
Заповѣданна древа отъ Божія власти;
Послѣжде же, яко сѣ въ первой благодати
Даде вѣчно облати
Черезъ своя смертныя раны и волнїя страсти
Изведенной до рай отъ адской пропасти.

Соотвѣтственно ходу демонстронительства Божїя, трагедокомедїи раздѣляется на три дѣйствїя: въ первомъ излагается исторїя искушенїя человѣка въ рай, паденїя и изгнанїя его отсюда; во второмъ—выводится на сцену Моисей, изводищїй евреевъ изъ Египта, и пророкъ Іона, извергнутый изъ чрева китова, какъ прообразы Спасителя; въ третьемъ—„являются страсти, смерть, погребенїе, воскресенїе и освобожденїе человѣческаго рода“. Но въ частности этотъ планъ далеко не законченъ и не отбѣланъ. Въ третьемъ дѣйствїи нѣкоторые явленїя нисколько не развиты и имѣють одни только заглавїя, напр.: „явленїе 1-е: молящїеся Господа емлютъ и ведутъ въ преторъ къ Пилату; явленїе 2-е: отъ ранъ на крестѣ распятаго изливаются кровь въ чаши отъ ангель державы; явленїе 3-е: ангель Господень отваливаетъ камень и стражей устрашаетъ“.

Въ царствованїе Анны Іоанновны для Киевской Академіи настали лучшія времена благодаря Прокопѣ Прокоповичу, оказавшему императрицѣ важную услугу утвержденїемъ ея самодержавїя. Начало ея царствованїя Прокоповичъ привѣтствовалъ слѣдующими стихами:

Прочь уступай, прочь
Печальная почь!
Солнце восходить,
Свѣтъ возводить,
Радость родить.
Прочь уступай, прочь
Печальная почь!
Коликий у насъ мракъ былъ и ужасъ!
Солнце Анна возсіяла,
Свѣтлый намъ день даровала.
Богомъ въичавна
Августа Анна!
Ты памъ ясный свѣтъ,
Ты красивый цвѣтъ.
Ты красота.
Ты доброта,
Ты веселіе
Веліе.
Твоя держава
Наша то слава.
Да вознесетъ Богъ
Силы твоей рогъ,
Враги твои побѣждая,
Тебя въ бѣдахъ заступаая.
Рцыте всѣ люди:
О, буди, буди! ¹⁾

Въ политическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія два факта итъ царствованія Анны Іоанновны, имѣющіе большое значеніе для тогдашней Малороссіи, именно: война съ турками 1736 года и внимательство Россіи въ дѣла Польши и участіе ея въ избраніи новаго польскаго короля. Въ 1734

¹⁾ Оеодѣя Прозопова, Числовца, в Истор. Россіи, Соловьева, т. XIX, стр. 314—315.

году, предъ турецкой войной, императрица Анна Иоанновна простила запорожцамъ, которые послѣ измѣны Мазепы перешли въ Турцію и хану крымскому и основали свою Сѣчь въ Алешкахъ, на „поляхъ татарскихъ, межъ кочевисками агаряевскими“, и разрѣшила имъ возвратиться въ предѣлы Россіи, гдѣ и основали они Новую Сѣчь Запорожскую¹⁾. Съ этихъ поръ они получаютъ возможность снова тревожить Польшу и сводить съ ней свои старые національные и религіозные счеты. Эти обстоятельства не могли не отозваться и на тогдашней литературѣ.

Что же касается собственно Киевской Академіи, то въ царствованіе Анны Иоанновны она пользовалась особннымъ вниманіемъ и заботливостію Феодана Прокоповича, который сдѣлалъ киевскимъ митрополитомъ сподручника своего Рафаила Заборовскаго и самъ внимательно слѣдилъ за его дѣйствіями относительно Киевской Академіи. Принадлежа къ положительнѣйшимъ людямъ своего времени, Рафаилъ Заборовскій обратилъ особенное вниманіе на Киевскую Академію, разстроенную при его предшественникѣ. Извѣстно и то, что Феоданъ Прокоповичъ часто давалъ ему уроки касательно академическаго благоустройства, сильно возстава въ своихъ письмахъ къ нему на прежнюю распущенность въ академіи и мало удовлетворяясь жѣрами его²⁾. Вслѣдствіе этого, значительно возросло матеріальное благосостояніе академіи, получившей теперь, названіе Киево-Могило-Заборовской, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысился и уровень науки и образованія. Драматическія пьесы этого времени отличаются сравнительною живостію и отзывчивостію на современныя событія и перѣдко составляются въ духѣ вкуса Феодана Прокоповича.

Первыми изъ пьесъ этого рода являются драматическія

¹⁾ Истор. Россіи Соловьева, т. XX, стр. 77.

²⁾ Письма Ф. Прокоповича въ Трудахъ Киев. духовн. Академіи, октябрь, 1865 года.

произведенія учителя пѣттика въ Киевской Академіи, іеромонаха Митрофана Довгалева, 1736—7 годовъ, а именно: 1) „Комическое дѣйствіе“ на Рождество Христово съ пятью интерлюдіями, 1736 г., и 2) „Властотворный образъ чело-вѣколюбія Божія“, пасхальная пьеса, тоже съ пятью интерлюдіями, 1737 года ¹⁾. Пятеричное число актовъ въ этихъ пьесахъ и прямое предписаніе пѣтъ одинъ кантъ на тонъ канта Ѳ. Прокоповича—„Коли дождуся весела ведра“—обличаютъ въ Довгалева поклонника и подражателя Теофану Прокоповичу.

Общее содержаніе „Комическаго дѣйствія“ слѣдующее. „Прологъ, въ его же мѣсто выходитъ Валаамъ и хваляся пророчествуетъ о пришествіи Христовѣ и предсказуетъ кратко о всемъ комическомъ слѣдующемъ дѣйствіи, въ четырехъ явленіяхъ заключенномъ. Явленіе 1-е, предпешествующей звѣздѣ, выходятъ три царіе, внуки Валаамовы, для разсужденія о видѣнной необычной звѣзды на востокѣ. Явленіе 2-е, выходятъ царіе со дары кланяться, до которыхъ Иродъ приходитъ и о шествіи ихъ, камо путь творятъ, вопрошаетъ; посемъ Иродъ молить ихъ, да возвратившись отъ пути возвѣстятъ и ему, гдѣ царь новъ родися. Явленіе 3-е, выходятъ Иродъ царь и зѣло прися печалуетъ о погубленіи царства и невозвращеніи къ нему всякъ царей, до котораго выходитъ Гифъ и поощряетъ его, да вскорѣ пославъ своя вой въ Вавилею, избіетъ дѣти; посемъ выходитъ Декретъ Божій и призываетъ Смерть и Діавола, да умиривлятъ Ирода за младенцевъ неповинное убійство. Явленіе 4-е, выходятъ Человѣколюбіе Божіе, объявляя посланіемъ едиnorodнаго Сына милость, сотворшуюся роду челоувѣческому, гдѣ приходитъ и царь Давидъ съ пророками, благодаря, яко не тощное бысть пророчество ихъ о пришествіи Христовомъ; посемъ приходитъ ангелы и

1) Рукопись Кіево-Мих. монастыря, № 1743; см. Труды Кіев. духовн. Акад. февраль, 1865 г., и ноябрь, 1866 года.

благодарственный поютъ каптъ, и все купно съ пѣніемъ отходятъ“.

Не представляя само по себѣ пессимистическаго драматическаго интереса, „Комическое дѣйствіе“ Митрофана Довгалевскаго важно по своимъ отношеніямъ къ южнорусскому народному театру, какъ это увидимъ впоследствии. Болѣе живаго народнаго элемента представляютъ интерлюдіи къ этому „Комическому дѣйствію“, воспроизводящія собою народныя южнорусскія сказки и мѣстами возмывающіяся до политическаго самосознанія Малороссіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ племенамъ и народамъ. Южнорусскій народный комизмъ, вѣроятно, пробивался и въ прежнихъ интерлюдіяхъ Лаврентія Горки, до насъ не дошедшихъ, насколько можно гадать о нихъ по современнымъ интерлюдіямъ или „междувброшеннымъ игрищамъ“ изъ сѣверно-русскаго быта¹⁾; но тогда этотъ комизмъ не осященъ былъ школьною теоріей и потому не имѣлъ, такъ сказать, законнаго права на свое существованіе. Теперь же сама теорія, какою она является въ цѣнтикъ М. Донгалевскаго, требуетъ, чтобы „въ комедіи выводились лица низкія, какъ то—господарь (pater familias), литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, сибирякъ, турокъ, грекъ, итальянецъ“, и чтобы комедіи писались „слобомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ“. Соотвѣтственно этому требованію, въ рождественскихъ интерлюдіяхъ М. Донгалевскаго выводятся на сцену: поляки, мужики, литвинны, цыгане, козаки, москали, жида и проч., какъ и въ народныхъ комическихъ сказкахъ и присказкахъ, и каждый изъ нихъ говоритъ своимъ языкомъ, нарѣчіемъ и говоромъ.

Въ первой интерлюдіи „выходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до котораго выходятъ два мужика. литвинъ, цыганъ, и прожешуть.“ Во второй интерлюдіи „выходитъ му-

¹⁾ Мелочи русск. литературы, Тихомирова, 1859 года, сл. III.

жикъ, сошь розказуе и прикликае до себе еще двоихъ: потомъ призоветъ бабу и циганку; циганъ приде за циганку; всѣхъ пропудить“, и т. п. Особенный интересъ представляютъ интерлюдіи третья и четвертая.

Въ третьей интерлюдіи „выходить козакъ, до которого выходятъ ляхъ на влобъ; козакъ схоронится: потомъ выходить къ тому жъ ляху подданіи съ поклономъ“. Интерлюдія начинается думкою козака, который былъ у турка подъ руками, а у татаръ въ оковахъ, и только что воротился (1734 г.) на родину:

Мати моя старешкая, Чи ты мнѣ радешкая
Моей молодости 2.

Бувъ у турка подъ руками, А въ татаровъ з кайданами
У самой жалости 2.

Да вже правда теперь нема добра всюди,
Дармо працюемъ, виставляемъ груди.
Богъ виручитьъ мя оттуда, а теперь мѣсяцъ не найду.
В дому не сидѣти.

Лѣсы, моля спустошенні, Луги, сѣла покошенні,
Пороспускають дѣти 2.

Только жъ правда, що гребя изирати на Бога,
Той всѣмъ есть въ добличі простая дорога.
Пойду знову на Сѣчь, мати! Пойду долѣ внизъ шукати,--
Козацкая доле! 2.

А че и буду потугою, а въ москаля заслугою.
Мати жъ моя Олесе! 2.

Спитаю, чи не буде хочъ на пизу добра,
Чи не трапится до пойматъ лѣса або бобра.
Буду турковъ воевати, мечемъ слави добувати,
Буду воевати 2.

Кармазини з луданами, шати драги з султанами,
Солсьмъ буду брати, з очей не спускати 2.

Егей колибъ впать якъ була козацкая слава,
Щобъ роспустилась всюди якъ перами пави,
Труды Киевск. Академіи, 1879 г. т. III.

І щобъ зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ,
Якъ Богъ поволить избрать турецкіи дѣти,
Або ляховъ на той часъ трапится поимати
І сѣмъ кіємъ козацкимъ по ребесамъ дати.

Къ концу этого монолога выходитъ ляхъ на полеванье и высказываетъ желаніе, чтобы его подданные поднесли ему еще новаго сокола, для ловли перепелокъ. Въ отвѣтъ на его желаніе являются литвины, его подданные, на поклонъ своему господину. Старшій изъ нихъ предварительно учитъ младшихъ, какъ привѣтствовать пана: „ото такъ буду гавариць: на здоровье табе паве! нехай и паней стане і всѣмъ дзѣткамъ вашимъ, нехай станіесе гето тутъ приходомъ вашимъ“! По ихъ простое, незатѣйливое привѣтствіе показалось для пана оскорбительнымъ,—и онъ приказываетъ бить ихъ проволочными веревками:

Возми-ка, хлопче, самого войта, какъ старшаго!

Бей, тузь, валяй, падай, бей хорошенько также и другаго!

Что за диво мнѣ и какая бѣда—хлопа забить, убить,
какъ скурвего сына?

Лит. Нужъ, моспаве, и мене еще прохварасцѣ,

А прохварасцѣвыни тай до дому пусцѣ!

Ляхъ. Хорошо! Иди жъ, хлопче, дай же и тому,

Сто кіевъ отмѣрай также и другому!

Расправившись съ подданными, ляхъ дивится хлопской отвѣтъ: „знать москаль либо козакъ ему помогаетъ!“ Имя козака вызываетъ у него воспоминаніе о прежней славѣ Польши, когда у него „подданство въ Кіевѣ бывало, гдѣ онъ былъ губернаторомъ“, и онъ строитъ завоевательные планы насчетъ Украины, хвастаясь, что поляки могутъ отобрать не только Кіевъ, но и села до города Глухова:

То вшиство мечемъ, огнемъ завоевать можемъ,

А Лещинскаго короля снова изберемъ ¹⁾,

¹⁾ Станиславъ Лещинскій, избранный въ король польскіе 1705 г. и 1709 г. принужденный бѣжалъ изъ Польши, въ 1733 г. выгнанъ снова завать польскій

И тогда съ привлечемъ туда мощнаго Гектора,
И на помощь намъ приплетъ намъ отъ своего двора
Король французскій тысячу другую—третью.
Мы соберемся выѣтъ до 100 тысячъ больше
И будемъ воевать до самой Полтавы,
Чтобъ отобрать прежній говоръ нашей славы*.

Ляхъ призываетъ другихъ пановъ для войны съ козаками и напередъ хвалится своею побѣдою надъ ними; но является козакъ, призываетъ на помощь москаля, — и сцена перемѣняется. Москаль говоритъ:

Козакъ! приймайся, не бойся, бери з плечей двоихъ!

А я тотъ часъ уберу долгополныхъ отъ нихъ.

А што здесь о рубежахъ они вспоминали,

Будто ляховымъ Украину в областяхъ держали,—

Дабро вотъ,—покажемъ рубежи кнутамъ на спинь!

Коз. I добре, земочку, щобъ другій намятовать,

Да и дѣдчой своей дитинѣ заказать.

Въ четвертой интерлюдіи „выходить мужикъ з жидомъ на ярморокъ, до котораго выходить ксензы три: езуита, крижакъ да бернадимъ; до всѣхъ ихъ приидетъ москаль и запряжеть двоихъ, а съ третьимъ сядетъ, и отыдуть“. На ярмаркѣ жидъ расположился со своимъ пинжомъ. Проходить мимо три ксендза; жидъ зазываетъ ихъ къ себѣ:

Жидъ. Прошу на водочку, прошу, позвольте пить!

Ксен. Дай, жизнь, на этотъ шостаъ битый!

Мы не такой людъ, какъ ехима проклята.

2 Ксен. Прошу, отчо, скажи,—откуда та вѣбра взята?

3 Ксен. А что тутъ будешь о вѣрѣ разсуждать!

Слышу, идетъ москаль, будетъ штурмовать.

престола, но въ 1736 году долженъ былъ вторично отказатьсь съ него. По этому случаю О. Прокоповичъ написалъ пять колкія эпитрачамъ на двукратное избрание Лещинскаго въ король, возмѣщаясь при печати его Пятницъ. Конечно, и здѣсь говорится о вторичномъ избраніи Лещинскаго въ король и въ насмѣлку полякамъ.

Моск. Што здѣсь за шумъ, что за крикъ? да нѣтъ ли раз-
дорогъ?

Ксен. Чекай по, васпанъ, мы не въ твоимъ двору.

Моск. Што болтаешь? ты меня называешь воромъ,
Да еще хвалишься здѣсь своимъ дворомъ?
Полно болтать! мнѣ нада дать скоро падводу.

Ксен. Ми, моспане, естемъ не такого роду.

Моск. Какъ тѣ завутъ, — гавари, — кака въ тѣ манета?

Ксен. Я, моспане, естемъ вчоний езуита —

Моск. А тебе другъ какъ завутъ, знать ли ты полякъ?

2 Ксен. Добрже згаднолѣ, моспане, же я естемъ брижакъ.

Моск. Тѣбѣ третьей какъ завутъ, да и ты ли съ нимъ?

3 Ксен. О, я естемъ польского закону барнадимъ.

Моск. Побратимъ? Сидись, поганый! вить мнѣ не даліоко:

Въ Броварахъ почту смѣнимъ или въ Цгатавѣ,
Тамъ насъ пуцу кармитца на доброй отавѣ.

Вся эта пьеса, съ комическими интерлюдіями къ ней, имѣетъ ближайшее отношеніе къ малорусскому народному пертецу, по крайней мѣрѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ записанъ у г. Маркевича ¹⁾. Вертецъ этотъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой, соответствующей своему содержанію „Комическому дѣйствию“ Довгалевскаго, представляется исторія рожденія Спасителя, поклоненіе волхвовъ, избіеніе Вифлѣемскихъ младенцевъ и послѣдняя судьба Ирода, а вторая представляетъ изъ себя рядъ комическихъ сценъ, похожихъ на рождественскія интерлюдіи Довгалевскаго. Особенно замѣтно сходство между комическимъ дѣйствиємъ и первою частію пертеца. Для примѣра, приведемъ одно параллельное мѣсто. Въ „Комическомъ дѣйстви“ декретъ Вожій призываетъ смерть, а смерть — дѣвола.

Смерть (къ Ироду). Не годъ будетъ сего, яко поѣду ты,

Но горѣ будетъ ти, яко во адъ возму ти;

Се приглашу и друга, что дѣлать съ тобою,

¹⁾ „Обычаи, повѣрья, суевѣры и нравы малороссійскіе“, Маркевича, 1860 года, стр. 31 и слѣд.

И возьмемъ ты отсюду на жилье съ собою.
Приди дружже искренній, первѣйшій владыко,
И увидьшь снѣдь готову, намъ славу толику!
Долгое бо мы время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.

Дьяволъ. О гостя вожделѣнна, о друа прелюбезна!

Дни тѣ ожидаетъ любочайша бѣдни! и проч.

Въ вертепѣ есть очень сходныя съ агимъ мѣста. Здѣсь смерть говорить Ироду:

Що ты, Ироде несытый,
Почто се болтаешь
И мене убиты
Воямъ повелѣваешь?
Изъ пропасти ада
Будешь ты знаты,
Пеповинны чада
Якъ убиваты!
Выйды, брате, дружже,
Мени пособыты,
Бровопыяцю Ирода
Отъ земли стрѣбиты!

Чортъ (къ смерти). Почто, моя другиня, зовашь на пораду?

Тотчасъ умерщвлю и прекоручу аду.

(И загвѣвъ, хватая Ирода въ объятія, говорить.)

Дружже мій сириний, дружже прелюбезный!

Давю жидивъ я тебѣ въ любочайшей бѣдни.

Меньше сходства между интерлюдіями Довгалеваго и второю частію вертепа, представляющею болѣе сближеніе съ народною комикою; но и между ними есть значительное соотвѣтствіе, а мѣстами и букввальное сходство. Такъ, во второй и пятой интерлюдіяхъ Довгалеваго выводятся на сцену цыгане. И въ началѣ второй части вертепа представлена забавная семейная сцена цыгана съ женой и сыномъ,

согласная съ народными представленіями о цыганах¹⁾. Третьей интерлюдіи довгалевскаго соотвѣтствуютъ сцены запорожца съ полякомъ и другими. На сцену выходитъ хвастливый, гордящійся своею родовитостію ляхъ. „А цо, панове!—говорить полякъ,—

Же бы вы знали, цо я естемъ зъ дзяда

Ц зъ прадыда шляхтичъ уродномый.

Я былемъ во Львовѣ,

Былемъ я въ Краковѣ,

Былемъ и въ Кіовѣ,

Былемъ я въ Варшавѣ.

Былемъ я въ Богуславѣ.

Надемъ до ногъ ясневельможнаго пана,

Зычу здрувыи и многа лята!—

Какъ и въ другихъ сценахъ, полякъ встрѣчаетъ свою подругу и танцуетъ краковякъ. Когда какой-то мальчикъ, подкравшись сзади, передразниваетъ ляха, послѣдній грозно обращается къ нему и гнѣвнымъ голосомъ говоритъ: „а пудзь до дьявола, лайдакъ! батогами забію!“ Но его рѣчь смолкаетъ при появленіи запорожца. Еще за сценой раздаются его гоухось, напѣвающимъ любимую украинскую пѣсню: „Да не буде лучше, да не буде краще, якъ у насъ да на Украинѣ“. Выходитъ онъ и начинаеть рядъ шалостей, первымъ предметомъ которыхъ, какъ и во второй интерлюдіи Довгалевскаго, является ворожея цыганка, которая, заговаривая рану запорожца, въ тихомолку желаетъ ему погибели. Загнѣвъ онъ издѣвается надъ жидомъ и двумя чертями

Четвертой интерлюдіи М. Довгалевскаго соотвѣтствуетъ вертенная сцена запорожца съ уніатскимъ попомъ. Къ запорожцу подходитъ уніатскій полъ и хочетъ его исповѣдать:

¹⁾ См. „Маторусскія народныя вѣданія и расказы“, Кіевъ, 1876 года, стр. 193.

Признавай грихы предо мною, покайся,

Предъ схизматскими попы не признавайся!

Запорожець. Чого соромляться, паночо! расскажу, що знаю.

Уніатскій попъ. Благо сотвориши, аще ничего не утаиши.

Запорожець. И зъ малку мандрую по свиту,

Я бивъ

Не бивъ уніатскихъ я попывъ,

Съ живыхъ зъ їхъ кожу я лущивъ.

Воны надъ козакомъ ждуть смерти.

Щобъ въ домовину скорійше заперты;

Таскають, спивають, сміются,

А на помывкахъ якъ напьются,—

Дакъ тылько не танцюють,

Мовъ кони козацки гарцюють.

Уніатскій попъ (дрожащимъ голосомъ):

Треба тобі до коścioла ходить,

Часты поклоны треба быть.

Запорожець. О! бачъ? я зъ віку въ коścioлъ не ходивъ,

Поклонивъ не бывъ, хибя тебе побью.

Уніатъ бѣжить со всѣхъ погъ.

Послѣ того, запорожець пздѣвается надъ двумя чертами
и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту:

Що се я пймаю? чи се птычка?

Чи перенелычка?

Чи се тая сынычка,

Що вона й не дыше,

Тылько хвостыкомъ колыхне?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой интер-
людіи Довгалева. Здѣсь мужикъ Нархимъ обращается съ
подобными словами къ поляку—астровому.

А що бакъ ти у чорта и сважи за птиця,—

Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелица?

Близкая связь и соотношеніе „Комического дѣйствія“
и рождественскихъ интерлюдій Довгалева съ записан-
нымъ у Маркевича вертепомъ показываютъ, что или по-

свидѣній произошедъ отъ драматическихъ пьесъ М. Довгалеваго и только измѣнился и оразнообразился въ теченіи 100 слѣшкомъ лѣтъ (отъ 1736 г. до времени записанія вертепа Маркевичемъ), или же и вертепъ, и пьесы Довгалеваго произошли изъ одного и того же источника. Во всякомъ случаѣ можно считать несомнѣннымъ, что существовавшее содержаніе свое и основныя формы свои вертепъ получилъ приблизительно около того же времени, къ которому относится и пьеса Довгалеваго; потому что съ этого времени вертепныя рождественскія представленія терпятъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ извѣстныя сферы училищной и общественной жизни. Въ томъ же 1736 году, Ѳ. Прокоповичъ, указывая Рафану Заборовскому экономическія средства для содержанія академіи, неблагопріятно отзывался о студенческихъ „ширкованьяхъ“, составлявшихъ, вмѣстѣ съ вертепными представленіями, источникъ доходовъ для бѣднаго студенчества. Ѳ. Прокоповичъ писалъ, что, при улучшеніи академическаго хозяйства, „не будетъ нужды избытокъ скудныхъ, да и еще и неосновательныхъ подацій нищетымъ образомъ вымирковывать“¹⁾. Что замѣчаніе Ѳ. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отчета въ послѣдующее время рождественскихъ пьесъ, соответствующихъ вертепу, за исключеніемъ одного отрывка, такъ и изъ положительнаго свѣдѣтельства, что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ шутившаго „правила увѣщательнаго мнишицамъ“, 1773 г., по встрѣчающагося гораздо рѣже, говорится слѣдующее: „Радуйтесе, шивѣрѣзы, и пакы реку радуйтеси! се радости день пршенѣваетъ, день — глаголю — праздника рождественскаго сближается. Востапте убо отъ ложей своихъ и пос-

¹⁾ См. писемъ отъ 8 марта, 1736 г., въ Трудахъ Киев. дух. Акад. октябрь, 1863 года.

примите всякъ по своему художеству орудіа, *содѣлайте асртенн*, сѣклетъ звѣзду, составте партесы! егда же станите по уляпахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, примутъ васъ подѣ кровы своя¹⁾. „Достойно и праведно,—говорится въ другомъ мѣстѣ правила, — похулити подвиги и труды ваши, голубицѣ; обтекаете бо вселенную аки орли во облацѣхъ парящѣхъ отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще людоедство, и гдѣ изобиліе шинковъ и винницъ жители имѣють, тамо... возгнѣздитесь, а идѣже по желанію вашему не получаете, то тамо и прахъ отъ ногъ своихъ отрясете держаеи поглапати безуміи апостольское слово²⁾ 1). Къ этому-то отребію студенческой корпораціи и должны быть относимы пластическія изображенія миркующихъ и ходящихъ съ вертепомъ бурсаковъ у Нарѣжпаго и Гоголя, но никакъ не къ большинству кievскихъ студентовъ XVIII вѣка.

Но если въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка вертешныя представленія стали выходить изъ употребленія въ Кіевской Академіи; то это не значитъ, чтобы вообще прекратили развитіе комическія сцены изъ народной южнорусской жизни. Напротивъ, онѣ получили еще большее развитіе, но стали приурочиваться къ пасхальнымъ и рекреационнымъ пьесамъ. Но крайней мѣрѣ, мы имѣемъ на лицо двѣ такія комическія пьесы и нѣсколько указаній на существованіе подобныхъ пьесъ, до насъ не дошедшихъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаютъ пасхальныя пьесы того же М. Довгалева, 1737 года.

Подобно рождественскимъ, пасхальныя пьесы М. Довгалева раздѣляются на мистерію и комическія интерлюдіи къ ней.

Мистерія носитъ слѣдующее длинное заглавіе: „Властотворный образъ человеколюбія Божія всемирной дѣля ра-

¹⁾ Рукопись, державно-археологическаго музея при Кіев. Академіи по печатному Описанію № 665, сн. № 422.

дости пятичисленнымъ явленіемъ обновленій въ честь и прославленіе ископи единосильный совѣтъ давшему единому отъ Троицы Сыну Божію, яко сотворити благоволившему и отъ небытія во бытіе перваго человека приведшему, сего же ради сей яко заповѣдей преступника за крайное благоутробіе воплотися, пострада даже до смерти крестній и всемогнущю божества силою тридневно воскресе, и наки сего и всѣхъ клятвъ его виновныхъ на первое вѣчлія свободи и радованія возведе блаженство“. Она раздѣляется на пять явленій или дѣйствій; въ первомъ — совѣтъ Божій, правосудіе и милость Божія намѣреваются сотворить человека; во второмъ — милость Божія вводитъ человека въ рай и даетъ ему первую заповѣдь, но предель стлонила сго нарушить эту заповѣдь; въ третьемъ — правосудіе Божію отдастъ преступнаго человека „въ работу и пѣнь смерти и діаволу“; въ четвертомъ — показывается торжество діавола и смерти надъ человѣческимъ родомъ, а въ пятомъ — милость Божія выводитъ человека изъ ада и возвращаетъ сго въ первобытній свободѣ. Хотя, по примѣру *Θ. Прокоповича*, пьеса состоитъ изъ пяти дѣйствій, но она скорѣе похожа на „Мудрость Предвѣчную“, 1703 года, и далеко уступаетъ слѣдующимъ за ней интерлюдіямъ, которыя имѣютъ такой же жизненный интересъ, какъ и рассмотрѣнныя уже рождественскія интерлюдіи *Довгалева*, и стоятъ въ близкой связи съ южнорусскими народными преданіями и рассказами.

Въ первой пасхальной интерлюдіи мужики - литвины смѣются надъ ксендзомъ и папой и въ заключеніе прогоняють ксендза. Ксендзъ вышелъ къ литвину, воскресшему изъ мертвыхъ, „пытатися, що на томъ свѣтѣ дѣется“.

Лит. Врешешь ты! тамъ все святцѣ (т. е. праздники), то въ піекѣхъ дієв.

Ксен. Якъ же се тамъ нашему напизу поведзѣ?

Лит. Памѣнай уже якъ звалъ: пропавъ іонъ да и годзѣ.

Кесн. Свентый же бы былъ въ пеклѣ, — щекашъ (лжешъ)
ти, старулику!

При нимъ еще была ласка Христусова.

Лит. Правда, правда! угадаеъ ти:

Сажнувшись саматужки прець до піекла дрова,

А хваришники акругъ скачудъ и играюдь,

Гетякими дубцями вотъ такъ поганяюць.

Подобное разсказывается въ южнорусской народной сказкѣ о несчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его до-
вѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Веротившись оттуда,
Иванъ разсказываетъ пану, что „покойный пан старый,
того пана батько, дрова возить у пекло“¹⁾.

Въ третьей псалмьной интерлюдіи „віздить мужикъ
на торгъ и зъ синомъ, и оставивши сина, пойдетъ торго-
вати“. Въ отсутствіе его приходитъ къ сыну московскіе
„яриги“ и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ
вола. Сынъ старался защититиъ воловыя рога, но они не
нужны были яригамъ и остались дѣлыми, за то пронали
съ воза широги съ мѣхами. Тотъ же пріемъ отводитъ хозяину
глаза отъ предмета поживы и при такой же обстановкѣ встрѣ-
чается въ малорусской сказкѣ: „чоловѣкъ зъ масломъ и мо-
скалі“. Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поста-
вилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два
москаля и сговорились между собою: зайди ты сзади, — го-
ворить одинъ, а я подойду къ нему и начну говорить.
Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ
нему, какъ будто узнаеть его, и наконецъ говорить: здо-
ровъ, Иванъ! — Здоровъ! — отвѣчаетъ мужикъ. Слово за сло-
вомъ, и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, какъ
будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ
объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы му-

¹⁾ „Парадныя южно-русскія сказки“, Рудченка, Киевъ, 1869 года, вып.
I, стр. 95.

жика взять въ солдаты: только не знаю, прибавилъ москаль,—годишься ли ты; потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣрю! —мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла ¹⁾

Пятая пасхальная интерлюдія М. Донгалевскаго рисуетъ безчеловѣчныя отношенія пановъ поляковъ къ своимъ крестьянамъ и мещъ за послѣднихъ со стороны козаковъ и скорѣе производитъ трагическое впечатлѣніе. Ляхъ вывозитъ мужика въ кѣлѣй на торгъ и запродастъ его жида за 100 злотыхъ. Онъ уже не жалѣетъ больше схизматичкой крови:

Пусть же, когда ужъ такая перемѣна стала,
Что до сихъ поръ святая вольность трвала (продолжалась),
А теперь наши хдоны противъ насъ бунтуютъ
И козаки на польскую корону востуютъ,
Чтобъ поскорѣннѣ вскинъ ей цноты (доблести)
И отобрать до себя шляхетски клейноты,
И такую-то порадѣ себѣ всеймовали,
Чтобъ наши подданные на насъ и повстали,
Не дождутся того, чтобы то такъ было,
А будемъ воевать, лишь бы счастье служило.
Подданство свое продамъ, ужъ теперь не треба,
А нъ войскѣ какъ нибудь найду кусокъ хлѣба,
И буду самъ воевать, пока силъ станеть.

Къ ляху приходитъ жидъ и спрашиваетъ его о цѣнѣ.
Ляхъ. Немного я, жизю, хочу за своихъ подданныхъ.
Жидъ. А якъ много цирвонихъ, казы, пасецъ пане!
Ляхъ. Чтобы не торговаться, дай, жизю, 100 злотыхъ!
А когда мнѣ война случится,

¹⁾ Тамъ же, вып. II, стр. 167—168.

И чтобы въ тотъ часъ были деньги готовы:

Вразъ червонными платить будешь голову въ голову.

Сторговавши мужиковъ, жидъ опасается, чтобы они не обокрали его ночью, и потому выпрашиваетъ у пана позволенія вязать имъ на ночь руки и ноги и связывать одного съ другимъ

Ляхъ. Я, орендарию, тебѣ такъ и приказую:

Пусть одинъ и другой съ нимъ связаны почуютъ.

Мужъ. А будь ласкавъ, паночку, змилуйся надъ нами!

Хоть самы мы будемо володять руками.

А то несвѣдкій соромъ прійшлося терпѣть,

Несподѣване лихо ось в турмѣ сидѣть

Прійшлося, а теперь моя несчастная доле:

Тяжко що бувъ бичаткомъ выхавъ у поле, —

Ажъ ось ти, пане, бѣжишь до мене на нину;

А мнѣ казаны бича запрягати.

Дакъ я вже то сюд, то туд, да и повинувъ жаты,

І посовтавъ до дому, да востане въ лихо:

Нѣкуды вже бѣчати, тѣлко сидѣть тихо.

Козакъ. Щобъ то се за причина, и якъ розважати,

Що лиха шилихвости подій продавати

Ночалъ? Да не знаю, що то с того вийде,

Якъ на лиха година несчастлива прійде

За те, що хрестяцку кровь жидамъ орендують.

Десь то на себе лихо якесь либцюють.

Да ще будетъ имъ лихо, нехай пождуть трохи;

Но ми вже взнали добре ляховецки здохи.

Тужки нѣ помаленку будемо нуздати.

То вопи заречутъ хрестанъ продавати.

Увидѣвъ козакъ, мужикъ просить его „вызволить з сего лиха“ и рассказываетъ ему о другихъ жестокостяхъ своего пана:

Ще ото маюся: хотѣвъ засмѣть на каналы

Якъ на работу, — такъ його стали мы просити,

Щобъ не славъ туди, — ажъ жидъ пришовъ, щобъ купити
Насъ, а вунъ и запрягъ у ярмо Потапа,
А надо мною звучавсь — собачая лапа,
Да ще уперъ у турку, щобъ тутъ намъ сидѣти“.

Козакъ вызволяетъ мужиковъ изъ неволи и самого
ляха съ жидомъ запрягаетъ въ ярмо.

Единоновременно съ пасхальными интерлюдіями и мистеріей М. Довгалевскаго явилось въ Кіевѣ и другое драматическое произведеніе на Пасху, хотя и не названное для представленія на сценѣ. Это — аллегорическая „брань честныхъ семи добродѣтелей съ семи грѣхами смертными, въ человѣдѣ путнику такъ всегда, яко найпаче въ дни свята великія четиридесятици ризидуючая, по числу седмиць ся імагивацѣю пугицескою и риемомъ описанная 1737 года, априля 9 дни“, экзаминатора іеромонаха Іоасафа Горленки, посвященная митрополиту кіевскому Рафаилу Заборовскому ¹⁾. Мотивъ этого произведенія — древній, такъ какъ олицетвореніе семи смертныхъ грѣховъ встрѣчается еще въ „Двиствіи на страсти Христовы“, XVII вѣка; но Горленко писалъ свою „Брань“ не для великопостныхъ дней, а на праздникъ Пасхи. Общій ходъ произведенія Іоасафа Горленки, которое состоитъ изъ 7-ми главъ, слѣдующій:

Человѣкъ пришлецъ въ свѣтъ, сей на земли странній

Проходяше вся окрестъ вселенія страны,

Ищуще безсмертія въ временной сей жизни,

Въ немъ хотя положити часть своей отчизны.

И се абіе врагъ нашъ нападе на пути,

Врагъ хотяще убити, зѣло зѣло лютій.

Онъ же брань съ нимъ сотворивъ, не по своей силѣ,

Противъ кричайна бо ставъ въ помощномъ симъ тѣлѣ,

Зъ семи грѣхи смертными началъ воевати,

Обаче не возможе плоть духа попати.

¹⁾ Рукопись Кіев. дух. Академіи, по печатному описанію № 664.

Уязвленный грѣховными стрѣлами, человекъ призвать на помощь семь добродѣтелей—смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, любовь, пость, кротость и побожностъ, которыя и вступили въ борьбу съ противоположными грѣхами—гордостью, лакомствомъ, блудомъ, завистью, обжирствомъ, гнѣвомъ и лѣнностью. Различныя перипетіи этой войны приурочены къ извѣстнымъ седмицамъ и днямъ великаго поста. Однажды добродѣтели были побѣждены и прогнаны съ поля битвы.

Тогда добродѣтелей грѣхи съ поля збивши,
Вскочили къ человеку въ обозъ и, вловивши,
Въ плѣнь послази далеко, въ страну свѣта ипшу,
Въ работу той страны люту гражданяну.

Между тѣмъ добродѣтели, потерявъ пораженіе, послази на небо Молитву съ просьбою о помощи и, получивъ ее, снова начали войну со врагомъ. Заступленіемъ Матери Божіей и силою честнаго креста онѣ побѣдили войско грѣховное. Но торжество побѣды омрачалось неизвѣстностью о судьбѣ человека, изъ за котораго была война; ибо никто не зналъ той страны, куда онъ отведенъ былъ въ плѣнь. Искали его всюду, и по пустынямъ, и наконецъ отъ Маріи Египетской получили извѣстіе, что —

Страна таа

Далеко есть, да кому жъ къ ней дорога злая
Небезпечна; лежитъ бо чрезъ смерти предѣли,
Въ той путники не одинъ глави положили.

Тогда добродѣтели посылають разъ, другой и третій въ эту страну для освобожденія плѣннаго человека, но посланные не возвращаются; посылають затѣмъ Лазаря, но и онъ не возвратился назадъ. Наконецъ само Слово Божіе идетъ на освобожденіе плѣнника, отдаетъ плоть свою на свидѣніе сухореброй смерти, а само душею проникаетъ сквозь врата ада, побѣждаетъ его и освобождаетъ плѣнника изъ оковъ. Тогда оно снова облачается въ побѣдонос-

ное свое тѣло и воскресеніемъ своимъ творить всемірную радость.

Последнее драматическое произведеніе разсматриваемаго періода есть пьеса, подъ заглавіемъ „Образъ страстей міра сего образомъ страждущаго Христа исправленъ“, состоящая изъ трехъ актовъ. Р. Голубевъ, въ первый разъ издавший эту пьесу, положительно утверждаетъ, что она „сочинена не для представленій въ Кіевѣ“, и предполагаетъ, что она составлена однимъ изъ кіевскихъ цѣнтовъ, вызванныхъ въ Смоленскъ тамошнимъ епископомъ Гедеономъ Вишевскимъ въ качествѣ вставника поэзіи въ новоустроенную имъ коллегію. „Если принять во вниманіе, — говоритъ онъ, — что сборникъ, откуда заимствована означенная пьеса, поступилъ въ академическій музей изъ Смоленской семинаріи, то подобному предположенію нельзя отказать въ правдоподобіи“¹⁾. По нашему же убѣжденію, пьеса написана именно для представленія въ Кіевской Академіи, посвящена кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому и съ достаточнымъ основаніемъ можетъ быть отнесена къ 1739 году. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ реторическихъ и піитическихъ отрывкахъ сборника прямо указывается на кіевское происхожденіе его²⁾, такъ какъ пьеса могла имѣть только случайную связь съ ними; но въ самой этой пьесѣ есть указанія на то, что она написана въ честь кіевского митрополита Рафаила Заборовскаго и представлена была въ Кіевской Академіи. Въ пятой сценѣ третьяго акта пьесы заключаются привѣтствія слушателямъ ея, съ опредѣленнымъ указаніемъ на фамиліиныхъ гербовъ. Здѣсь на разные лады варьируется описаніе герба, состоящаго изъ креста съ сердцемъ и діадемою. А это есть гербъ польской фамиліи Заборовскихъ изъ которой про-

¹⁾ Труды Кіев. дух. Академіи, сентябрь, 1877 г., стр. 577—8.

²⁾ Описаніе рукоп. церковно-археологич. музея при Кіев. Акад., № 660.

исходилъ Рафаилъ Заборовскій, усвоившій себѣ этотъ гербъ. Въ пѣнтическомъ руководствѣ 1736 года мы находимъ слѣдующее описаніе герба Рафаила Заборовскаго: „діадема, крестъ съ сердцемъ гербъ есть Рафаила, имъ же его знамена крестоносна сила“¹⁾). Но такъ какъ фамилія Заборовскихъ раздѣлялась на нѣсколько вѣтвей и входила въ родственныя связи съ другими фамиліями; то въ пьесѣ описаны гербы и нѣкоторыхъ изъ этихъ отраслей, а также гербы фамилій Покоръ и Дуняшовъ, о послѣдней изъ коихъ несомнѣнно извѣстно, что она находилась въ родственныхъ связяхъ съ фамиліей Заборовскихъ²⁾). Такимъ образомъ въ пьесѣ представлена довольно полная генеалогія фамиліи митрополита Рафаила Заборовскаго, въ честь котораго и должна быть написана пьеса. Послѣднее подтверждается и самымъ содержаніемъ пьесы, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ Рафаилу Заборовскому и его времени.

При слабомъ предшественникѣ его Кіевская Академія пришла въ упадокъ. Рафаилъ возвысилъ ее въ ученое и экономическомъ отношеніяхъ. „Радѣи всячески объ успѣхѣхъ и процвѣтаніи роднаго своего училища, — говоритъ одинъ изъ историковъ академіи, — митрополитъ Рафаилъ положилъ перенести въ него все, что было лучшаго въ тогдашнихъ европейскихъ университетехъ. Для этого, избравъ способнѣйшихъ воспитанниковъ, онъ отправилъ ихъ за границу, снабдивъ собственнo отъ себя всѣмъ нужнымъ“³⁾). Эти-то и подобныя заботы Рафаила Заборовскаго о поднятіи научнаго уровня въ Кіевской Академіи и представляетъ пьеса въ слѣдующихъ стихахъ:

Поиду убо пошу учителя зрадна
Моимъ чадомъ, во всякой добротѣ отрадна

¹⁾ Рукопись Кіево-Михайлов. монастыря, № 1713.

²⁾ Herbarz polski, Несецкаго, т. X, стр. 10—12, подъ фамиліей Zabrowski.

³⁾ „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею“, Аскотелскаго, т. II, стр. 88.—89.

Да на путь ученія добръ ихъ наставить
И во всемъ исполненныхъ предъ всѣми явить.
Не хочу бо ихъ быти тмою помраченныхъ
Неразумія, но да виждоу просвѣщенныхъ
Разумомъ и мыслію и всякими дѣлы,

Пойду искать учаща во своя предѣлы (т. е. въ Псковъ, гдѣ Рафаилъ былъ епископомъ).

Не менше Рафаилъ заботился и о внѣшнемъ благосостояніи академіи. Обветшавшія зданія академическія требовали поддержки и перестройки. „Рафаилъ Заборовскій вноситъ своимъ тысячу шесть сотъ сорокъ рублей и начинаетъ перестройку академическихъ зданій. Въ короткое время, вмѣсто старыхъ и обшталыхъ, являются новыя помѣщенія для учениковъ, изъ которыхъ бѣднѣйшихъ онъ принимаетъ на свое собственное иждивеніе. На мѣстѣ бывшей сначала гостиницы, обращенной потомъ Петромъ Могилою въ пристанище для сиротъ и другихъ странниковъ, Рафаилъ возводитъ *Великую Бурсу*, такъ названную въ отличіе отъ буръ, находившихся при церквахъ приходскихъ... Кроме этого, надъ каменнымъ корпусомъ, построеннымъ еще Мазепою, Рафаилъ возводитъ второй этажъ, по плану архитектора Шейдема, съ огромною колоннадою Тосканскаго ордена, и создаетъ тамъ же Благовѣщенскую академическую церковь“. Нынѣшняя академическая церковь, бібліотека и конгрегаціонная (портретная) зала — все это дѣло рукъ Рафаила Заборовскаго. „17 іюля, 1739 года, въ первый разъ происходило торжественное собраніе во вновь устроенной залѣ. Чтобъ увѣковѣчить это событіе и доказать глубочайшую свою признательность архипастырю-благодѣтелю, академисты на публичномъ диспутѣ поднесли Рафаилу отличнѣйшую картину, сочиненную и исполненную однимъ изъ воспитанниковъ сего училища Григоріемъ Левицкимъ“¹⁾. Это-то новое зданіе, а не новоустроенную

¹⁾ Тамъ же, стр. 80- 81 и др.

въ Смоленскъ школу, и слѣдуетъ понимать въ рассматри-
ваемой пьесѣ, которая, поэтому, можетъ быть отнесена къ
тому же 1739 году.

Имѣя ближайшее отношеніе къ личности Рафаила За-
боровскаго, пьеса — „Образъ страстей міра сего“ касается
и внутренняго состоянія тогдашней Кіевской Академіи, и
даже политическаго положенія современной Украины, а по-
тому имѣетъ для насъ двойной интересъ.

Впрочемъ, не всѣ части пьесы одинаково интересны.
Первый актъ имѣетъ цѣлю доказать суету міра и вѣч-
ность мудрости:

Тако непостоянна, тако неключима
Въ міръ суетою вся уничижима.
Едину токмо мудрость отъ сихъ раздѣляю,
Сію бо едину азъ вѣчну быти знаю.

Суета міра доказывается классическими и библейскими
примѣрами. Въ шести сценахъ перваго акта поочередно
выступаютъ Гераклитъ и Демокритъ, Каинъ и Авель, фари-
сей и мытарь, свѣтъ въ гордости и славѣ и плоть съ
дьяволомъ; Атлантъ, Іовъ, евангельскій богачъ и убогій
Лазарь, евангельскій художъ, впадшій въ разбойники и проч.

Со втораго акта собственно начинаются бытовые и исто-
рическіе намеки. Какъ и въ первой рождественской интер-
людіи Довгалева, здѣсь прежде всего выступаетъ на
сцену астрономъ и разсматриваетъ кругъ небесный. По
нему онъ предусматриваетъ, что въ текущемъ году будетъ
плодородіе, не будетъ вреда здравію и храбрости и не пред-
видится голоду. Къ астроному приходитъ Россія и спраши-
ваетъ у него: „удобно ли есть время, еже избираю, мнѣ
ко наученію“. Астрономъ находитъ, что она избрала самое
благопріятное къ тому время, и предсказываетъ будущее
поведеніе и успѣхи ея дѣтей въ ученіи:

Не едень разумъ всѣмъ зрю, госпоже, быти;
Богу бо возлюбися тако устроить:

Едину убо разумъ благъ и умъ дадеся,
Другому же цнако отъ небесъ послесе.

Послѣ этого Россіи идетъ искать изряднаго учителя
для своихъ дѣтей и встрѣчается съ Палладою, которая слѣ-
дующимъ образомъ хвалится своею мудростію:

Азъ господа премудрости всѣми семи славима;
Всякъ, иже мене не вѣсть, слѣпъ есть очима.
Кто убо таковъ можетъ когда обрѣстися,
Вы безъ моего могъ дара вознестися?
Нѣсть царь, нѣсть пождь, нѣсть крѣпкій, славень и
богатій,
Даби безъ мене сія удучилъ пріятн.
Кто мудрости моея аще и во брани
Возыскуеть, любезнѣ побѣждаетъ страна, и проч.

Она сама предлагаетъ Россіи свою помощь, беретъ ея
дѣтей подъ свое покровительство и приглашаетъ на совѣтъ
къ себѣ Аполлона, Тулія и Аристотеля, представителей
поэзіи, краспорѣчія и философіи. Но, согласно предска-
занію астронома, не всѣ дѣти Россіи съ одинаковою охотою
внимали урокамъ мудрости.

„Два сына Россіи похваляютъ мудрость“, но третій
сынъ тяготится ею и вступаетъ въ сообщество пенослу-
шанія, преслупланія и Бахуса. Подъѣтимъ третьимъ сыномъ
разумѣются тѣ самые лѣвитыи-бражники, о которыхъ мы го-
ворили выше, и которые весьма часто обличаются въ школь-
ныхъ письменныхъ упражненіяхъ XVIII вѣка. Этотъ блуд-
ный сынъ Россіи такъ отзывался о тогдашнемъ ученіи:

Аще кто таковую скорбь претерпѣваетъ,
В чемъ на семь свѣтъ яко въ мудрости бываетъ?
Къ сей мѣ болѣзни нынѣ прилѣпила мати;
Ниже что изучихся, кромѣ злѣ ридати.
Се ми мучительница, се узница баше,
Кромѣ мѣ умертвити премудрѣ хоташе.

Избѣгохоть бо отъ руки мучителя злаго,
Его же варицають учителя благаго.
Аще хощу пребывати живуци во мѣрѣ
Преблагое: не дамъ убо сѣмъ зловраннымъ вѣры.
Пойду лучше въ погибель весьма погибати,
Неже премудрость сію мнѣ воспріяти.

Такое же раздѣленіе въ мнѣніяхъ о мудросли существуетъ и въ школьныхъ стѣнѣхъ. Здѣсь съ одной стороны является премудрый Соломонъ, къ которому приходитъ царица Савская съ дарами, съ другой Перопъ со святою пороковъ, заткающій уши отъ наставленій мудрости.

Въ послѣдней сценѣ втораго акта являются Беллона и Марсъ, поступающій въ ся державу. „Вунтъ жалѣеть отъращенія Марсова“, т. е. о поддѣлкѣ его Беллонѣ, и обѣщается составить бунты. Къ нему приходятъ обѣщаніе и отмщеніе. Послѣднее говорить:

Что глаголеши дерзко въ себѣ, о трекляте,
Душепагубній всѣмъ росекій супостате?
Гдѣ еси таковую свою державу
Воспріялъ крѣпость, яко прегнишь наша славы?
Не боиши ли ся сѣй протавищся власти?
За сіе ти требъ есть вискорѣ препастаи;
Всякъ, противяйся власти, противяся Богу;
Виджу, яко отъ него казни примемши многу.

Наконецъ бунтъ смиряется предъ обѣщаніемъ и отмщеніемъ и просить у нихъ милосердія, но напрасно: его связываютъ, „да не избѣгнетъ отъ руку, но да приметъ казни и горькую муку“.

Подъ Беллоной нужно разумѣть здѣсь Россію, къ которой присоединился украинскій Марсъ при Алексѣй Михайловичѣ. Долго существовало недовольство этимъ союзомъ въ некоторыхъ частяхъ Малороссіи и наконецъ разрѣшилось измѣной Мазепы, послѣ которой запорожскіе козаки перешли въ Турцію и хану Крымскому. Но въ 1734 году,

какъ мы уже знаемъ,—императрица Анна Іоанновна простила запорожцамъ и разрешила имъ возвратиться въ предѣлы Россіи, гдѣ и основали они новую Січъ Запорожскую. По всей вѣроятности, въ плесѣ и разумѣется этотъ новый союзъ Запорожскаго Марса съ всероссійскою Беллоной, съ указаніемъ на предшествовавшія ему смутныя обстоятельства въ козацкой исторіи.

Въ третьемъ актѣ „исходитъ Любомудріе, желая видѣти премудрости“. Ангелъ извѣщаетъ его, что Мудрость уже знаетъ о желаніи Любомудрія и сама идетъ къ нему на встрѣчу. Она оставляетъ небосный престолъ свой, чтобы видѣть землю и повеселиться съ людьми, и исходитъ, поддерживаемая подъ руки дочерьми своими — Вѣрой, Надеждой и Любовію, представительницами богословскаго образованія. Подошедши къ „сѣни“, она говоритъ, намекая на новыя постройки Рафаила:

Се покой мой, ту вселюся во вѣки

И всегда назираяй буду съ человеки.

Се во жилище прежде обрахъ себе благо,

Се сотвору во вѣки, се предпочту драго.

Ко Вѣрѣ, Любви и Надеждѣ имолитъ:

И вы дщери, воиже азъ вселихъ, пріидѣте,

Предуготовленный мнѣ покой предузрите!

Вселитися вамъ нынѣ благо есть со мною,

Да пребудемъ во вѣки купно со собою

Вѣра, Надежда и Любовь изъявляютъ полное согласіе и вмѣстѣ съ матерью вселяются въ приготовленномъ для нихъ покой. Къ нимъ приходятъ на поклонъ Любомудріе, Смиреніе и Чистота. Затѣмъ „исходитъ церковь триумфующая“, подъ которой можно разумѣть какъ восточную церковь вообще, такъ и академическую церковь, устрояемую Рафаиломъ Заборонскимъ. Къ церкви приходитъ прелесть, какъ представительница римской церкви, но ангелъ прогоняетъ ее и утверждаетъ церковь. Наконецъ „исходитъ

единомысліе и желаетъ весь міръ въ согласіи быти“. Вражда гнѣвается на единомысліе и говоритъ къ нему словами Овидія:

Что се? что, что хочещи въ свѣтъ исправить?
Воистинну вся отъ моря вѣять пойдутъ рѣки,
Мира же не справишь между человеки.
Слояще въ тму преминется, луна не дастъ свѣта,
Миръ же не будетъ во всякіе дѣта.
Удобѣ есть землю въ небо претворити,
Преже повсюду миру устроену быти.

Но приходитъ благоустройство и заботится о томъ, чтобы „единого Бога купно всѣ звали, въ тишинѣ и мирѣ и вѣрѣ едины живуще“. Оно преиравляетъ вражду и заключаетъ братскій союзъ съ единомысліемъ. Въ послѣдней сценѣ пьесы „ангелъ благовѣствуетъ миръ всѣмъ ближнимъ, отъ смерти Господа нашего Иисуса Христа исполненій“, и описываетъ фамиліи гербы Рафаила Заборовскаго, о которыхъ мы говорили выше.

И. Истрого.

(Продолженіе будетъ).